

Владимир Положенцев

Денги

Владимир Положенцев

Денги

«Автор»

2026

Положенцев В. Н.

Денги / В. Н. Положенцев — «Автор», 2026

Из шкафа сотрудника археологического института Афанасия Каблукова пропадают уникальные монеты - серебряные "денги-чешуйки" 15 века с именем Дмитрия Шемяки - князя Звенигородского, претендующего вместо Василия II на московский престол. За расследование берется школьный приятель Каблукова, частный сыщик и бывший опер Николай Мигренев по прозвищу Мигрень.

Владимир Положенцев

Денги

Денги

- Украл! Нет, я повешусь.
- Погоди вешаться. Объясни сначала, что у тебя украл: машину, собаку, жену?
- Жену? Я бы еще денег дал. Но не из тех, что украл.
- Кошелек что ли утащили?
- Почти.
- Что значит «почти»? Ты в своем уме? Может, скорую вызвать?
- Нет, я не вынесу. Мне плохо. Дай водки, а лучше коньяку.
- Обойдешься, совсем голова съедет.

Этот путанный разговор, происходил в частном сыском агентстве «Добрый Тобби» Николая Мигренева, по прозвищу Мигрень. А мучил его вроде как бессмыслицей школьный приятель Афанасий Каблуков - научный сотрудник археологического института. В школе его прозвали Каблуком.

Мигрень открыл холодильник, достал полбутылки сухого вина, наполнил два стакана, один протянул несчастному однокашнику. Тот вздохнул, с причмокиванием опрокинул в себя кислое вино, удовлетворенно выдохнул, попросил еще.

- Хватит. Говори.

Жадно покосившись на бутылку, потенциальный висельник, ответил:

- Денги. Чешуйки серебряные. Десять штук. Времен самого Василия Темного.
- Что, очень ценные?

- Для меня и науки невероятно. Я собирался на них диссертацию защищать. Понимаешь, на трех монетах было отчеканено имя Василия, но не Темного, а Василия Косого, сына звенигородского князя Юрия Дмитриевича, который...

- Погоди. Не части. Этот Василий, не этот. Мне как слону до Титана - спутника Сатурна.

- Это важно. На денгах - чешуйках обычно изображался всадник с соколом в руке. Или мечом. И круговая надпись: «Князь великий Василий». В 1433 году московский престол захватил Юрий Дмитриевич - дядя Василия Темного и стал чеканить монеты со своим именем и именем, как я уже упомянул, Васки Косого. А вот Шемяка - второй сын Юрия, двоюродный брат Василия Темного, которого он и ослепил, на чешуйках стал чеканить два имени: «Юрий» и «Василий». Но ни разу, как всегда считалось, своего - «Дмитрий». Мол, не успел, недолго просидел в Кремле и по настоянию епископа Ионы, освободил из темницы Василия...

- Нет, это невыносимо. - Мигрень налил себе стакан, залпом выпил. - Ты можешь говорить по сути дела?

- По сути. Что, по сути? Ах, да. И вдруг, в Угличе, там, где теперь восстанавливаются деревянные стены Кремля, какие они были при Шемяке, я нахожу «денги» с его именем - «Дмитрий»! Семь из десяти пропавших у меня монет!

- Понятно. Хотя не очень. Точное место, где ты их нашел, когда, с кем, где хранил, кто об этом знал? Есть ли завистники в институте? Отвечай по порядку, а то выгоню, у меня и без тебя дел полно. Вон, во втором подъезде опять детскую коляску свистнули, а возле ночного магазина у солидной дамы Перхушкиной болонку увели. Правда, непонятно что она делала ночью в магазине.

В последнее время Мигрень, в основном, и занимался такими пустяковыми делами, но они приносили хоть какой - то доход, позволявший не умереть с голоду, содержать агентство. А хотел хорошего, интересного дела. И конечно теперь он не собирался выгонять школьного приятеля, острым чутьем уловил, что дело может быть необычным, тем более связанным с исто-

рией, которую он еще со школьной скамьи обожал. Но вот стал ментом, а Каблук, мечтавший быть следователем как «киношный» майор Знаменский, стал историком, вернее, археологом.

После вина и бессонной ночи - Коле почему - то не спалось, рассматривал в небе цепочку спутников Илона Маска над городом - Мигрень разомлел. А Каблуков вместо того, чтобы четко отвечать на поставленные вопросы, начал рассказывать «балладу» о том, как Дмитрий Шемяка захватил великого князя московского Василия Васильевича в Троицком монастыре и ослепил его.

И Мигрень приятеля не перебивал.

1446(6654), месяца лютого, в 13 день.

Глухой зимней ночью, когда с неба свалился тяжелый, как шрапнель из пищали град, к стенам Троицкого монастыря подобралась орда. Окружила. Уперлась тугой волной в дубовые ворота, окованные массивными, чугунными трилистниками. Но орда не татарская, не хана Улу - Мухаммеда, у которого Василий Васильевич недавно побывал в плену, а потом получил ярлык на великое княжение московское. Орда надвинулась русская, православная, во главе с князем Иваном Можайским – товарищем вечного врага Василия, его двоюродного брата – Дмитрия Шемяки, тоже великого князя суздальского рода Рюриковичей. Сам Дмитрий Юрьевич, узнав, что братец отправился с семейством на богомолье в Троицкую обитель, без боя, подговорив «блазных», жадных бояр и дьяков, взял Москву и сел на московский великокняжеский престол. И сразу решил отомстить Василию Васильевичу, в первую очередь за ослепленного им брата, тоже Василия, прозванного теперь Косым.

Но как же не заметила внешняя стража монастырская приближение такого войска? Оно подошло не сразу, Можайский удумал хитрость: отправил к монастырю крытые повозки смердов якобы с рыбой и хлебом, на которые нетрезвая стража не обратила внимания. А из повозок выскочили стрельцы и перебили ее. Стража на стенах и башнях тоже предавалась винопитию, а когда спохватилась, было уже поздно.

Василий Васильевич заперся в Троицком соборе. Можайский отправил к нему переговорщика - дьяка Артемия Кузьева. Это был редкобородый человек на кривых маленьких ножках, с большой, зеленой бородавкой на носу. Передал послание от Шемяки.

«Для чего любишь татар и даёшь им русские города на кормление? Для чего серебром и золотом христианским осыпашь неверных? Для чего изнуряешь народ податями? Для чего ослепил брата нашего, Василия Косого?»

Василий Васильевич возмутился, схватил дьяка за грудки:

- Как ты смеешь, холоп, являться ко мне с этой песьей грамотой! Пошел вон, отпрыск поганый, не то велю тебя сейчас к языку колокольному привязать, да в набат ударить. Послушаю, как выть станешь, пока мозги твои скудоумные по округе не разлетятся.

Кузьев ухмыльнулся:

- А не боишься, Василий, святое место опоганить мозгами моими скудоумными?

- Господь простит мне, великому князю московскому, ради праведного дела.

- Бывшему великому князю, Василий. Теперь Димитрий в Кремле на столе великокняжеском почивает. А тебе, акромя этой грамоты, велел передать на словах: ежели не уймешь свою спесь, не покоришься миром, будет тебе страшная месть за поруганного тобой его брата Василия, ставшего по твоей милости, Косым. А покоришься, окажут тебе милость великую, не потеряешь ни живота своего, ни семейства, ни почестей княжеских. Дарует тебе Шемяка удел в Угличе или где ещё.

- Пошел вон, - повторил Василий Васильевич, но уже не так громко и резко, как прежде.

Всю ночь молился Василий, слезы лил пред святыми ликами.

А утром, как рассвело, вышел из ворот к князю Ивану Можайскому с иконой Божьей Матери, опустив глаза, молвил:

- Брат, мы целовали Животворящий Крест и эту икону в этой церкви у гроба чудотворца Сергия, чтобы нам не мыслить и не желать никому от братии между собой никакого зла; а вот сейчас не знаю, что случится надо мной, но предаюсь в твои руки.

Иван Андреевич ответил, что он, как тоже Рюрикович, внук великого князя Дмитрия Донского, сдержит свое слово и не причинит вреда Василию Васильевичу.

Однако князь своего слова не сдержал. Василия связали и на простой телеге отвезли в Москву. Шемяка отомстил за брата - ослепил Василия Васильевича расплавленным оловом, но убивать не стал. Даже отсыпал ему, словно в насмешку, три шапки серебра - отчеканенных «чешук» с его именем «Дмитрий - Господарь Земли Русской» и отправил в Угличскую крепость.

- Так впервые на Руси великий князь, в лице Шемяки, принял титул «господарь», закрепил его на денгах. Василий Васильевич стал после ослепления именоваться Темным, а вернув себе трон, тоже начал величать себя господарем. А вот государем будет уже Иван III, - завершил рассказ Афанасий Каблуков.

- Да, занятная история, - сказал Мигрень. - Только какое отношение она имеет к делу? Ну, кроме того, что Шемяка подарил монеты Василию Васильевичу со своим именем, которые я так понимаю, и пропали у тебя, Каблук?

- Не пропали, - возразил археолог. - Украли. Их нашли в Угличе, на берегу Волги, недалеко от Спасо - Преображенского собора, там, где новую деревянную стену ставят. Рабочие зачерпнули ковшом грунт, а из него посыпался, как они сказали, какой - то хлам. Хорошо неподалеку оказался я с моими студентами, мы ездили на экскурсию в Угличский кремль. Ребята разобрали «хлам» и нашли в чудом сохранившемся глиняном кувшине эти монеты.

- Студенты, говоришь? А вот и еще один студент, правда, бывший.

В офис вошел друг и помощник отставного опера Мигренева, молодой журналист Слава Сверлицин, закончивший недавно журфак МГУ, которого Коля прозвал Сверлом. Он принес пару бутылок сухого вина и пирожных «Наполеон» по случаю второй годовщины сыска агентства «Добрый Тобби». Об этом Коля благополучно забыл и теперь очень обрадовался. Он обожал слоеные пирожные и крымское вино. За вином Мигренев рассказал Сверлу о несчастье, которое постигло Каблукова. Первым делом журналист спросил археолога о студентах.

- Трое парней и две девушки, - ответил археолог. - Они всем сердцем любят археологию, а не учатся для галочки, лишь бы получить диплом. Вот я и отобрал на ознакомительную экскурсию только пятерых из всего курса.

- Кто -нибудь из парней носит имя Дмитрий?

Коля одобрительно подмигнул помощнику:

- Я тоже об этом подумал - возможно, кого - то из студентов посетила мания величия, заел червяк честолюбия, мол, он тоже Дмитрий.

Афанасий Петрович решительно замахал руками, словно отмахивался от роя комаров:

- Ни Дмитрия, ни Василия среди них нет. Равно как нет и Софьи, так звали мать Василия II, сорвавшую золотой пояс Дмитрия Донского с Василия Косого.

- А почему она это сделала? - поинтересовался Слава. - Читал в университете, да забыл.

- Плохо, значит, читали, - проворчал Каблуков. - Если коротко: Софья Витовна посчитала пояс на Василии Косом оскорблением московскому княжескому дому Рюриковичей, незаконное его присвоение звенигородскими князьями, к которым и принадлежал Василий Юрьевич. Она жутко унизила звенигородских Рюриковичей и подлила масла в огонь междоусобицы.

- Стоп! Стоп! - Слава разлил по бокалам вино. - Без бутылки явно не разберешься. Что вообще это был за пояс, откуда он появился?

- Ну, какая разница! - воскликнул Каблуков. - Речь ведь не о поясе, а монетах, которые у меня украли.

- И тем не менее.

Афанасий Петрович тяжело вздохнул, отхлебнул вина, поморщился:

- Кислятина. Лучше бы портвейна взяли. Ну, извольте. Этот золотой пояс подарил суздальский князь Дмитрий Константинович Дмитрию Донскому на свадьбу с его дочерью Евдокией. Пояс был украшен редкими драгоценными камнями. На него позарился некий московский тысяцкий Василий Вельяминов. Он сделал дешевую копию пояса и подменил его. А настоящий стал передавать своим суздальским родственникам. Так пояс оказался у Василия Юрьевича Косого. А на свадьбе Василия Васильевича некто боярин Кошкин - дряхлый старик, знавший Дмитрия Донского, признал на Косом настоящий пояс. Софья Витовна разгневалась, восприняла это как личное оскорбление и сорвала с него реликвию. Дальше я уже говорил, снова началась война между княжескими родами. И закончилась ослеплением Василия Васильевича.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.